

Евгений Шалашов

БУДНИ НАЕМНИКА

Солдат всегда мечтает стать генералом, оруженосец — рыцарем, а принц — королем. Но из любого правила бывают исключения. Двадцать лет назад юный граф д'Арто просто не вернулся домой. А в отряде «псов войны» появился наемник Артакс. Он служил под знаменами всех королей, сидел в осадах и защищал города, пережил почти всех своих врагов и давно стал легендой. Его трудно убить. Еще труднее — обмануть. Но даже опытного наемника можно предать...

Бей первым
и надейся на лучшее...

фантастика нашего тысячелетия

Евгений Васильевич Шалашов
Будни наемника
Серия «Хлеб наемника», книга 6

Текст предоставлен правообладателем

Аннотация

Бывший наемник на новой родине вернул старые титулы и получил новые, приобрел любовь женщин, богатство и славу.

Но ему вновь придется стать Артаксом и опять предстоит отправляться в поход, чтобы спасти Силингию от древней колдуньи и ее прихвостней.

Содержание

Пролог	4
Глава первая	6
Глава вторая	19
Глава третья	35
Глава четвертая	49
Глава пятая	61
Глава шестая	73
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Евгений Шалашов

Будни наемника

Пролог

Если из Силинга до Севра мы ползли, то как обозвать возвращение обратно, я даже не знаю. Впрочем, ползти тоже можно по-разному. Змея, скажем, ползет очень быстро, а дождевой червяк медленно. Так вот, нынче мы двигались, словно беременный дождевой червяк. Обоз, увеличившийся раза в три, растянулся теперь мили на четыре, а если я даже и преувеличивая, то ненамного. Но когда передние возчики уже миновали гать и вышли на твердую почву, замыкающие еще даже не достигли середины. Похоже, что нынче даже простой латник имеет собственную телегу, а то и две, а я-то ворчал по поводу множества возов с приданным для маленькой принцессы. Эх, а мы-то, в свое время, обходились заплечными мешками, куда вмещалась смена белья, запасные штаны да мешок с сухарями. И куда катится мир? Впрочем, вру, не обходились. Вслед за тяжелой пехотой доброго короля Рудольфа шли бесконечные обозы с провиантом и прочим, потребным для жизни и выживания солдата на войне. Это уже потом, когда я стал вольным наемником, предпочитал не связываться ни с возами, ни со слугами, но когда

сам занимал должность командира полка, имел пять телег, но это немного, по сравнению с иными колонелями, насчитывавшими в собственном обозе по двадцать, а то и более возов. И шли наши обозы еще медленнее, нежели свадебный обоз княгини из Севра.

Я опасался, что маленькая княгиня будет носиться туда-сюда, а мне, как телохранителю, придется скакать вслед за девчонкой, но нет, Инга фон Севр вела себя очень достойно – ехала в центре обоза, в окружении двух придворных дам (обряженных в панцири!), подремывая в седле, словно бывалый воин. Вот что значит воспитание в княжестве, где не только мужчины, но и женщины вынуждены сражаться.

Но рано или поздно заканчивается даже болото, поэтому я с чистым сердцем наблюдал, как возчики и воины разбивают лагерь неподалеку от кургана легендарного короля Алуэна, не любившего бриться. Еще пара стоянок в открытом поле, а потом мы выйдем на тракт, где есть и постоянные дворы, и деревни. А там и до Силинга рукой подать. С таким количеством воинов никакой разбойник не осмелится напасть, так что путешествие будет скучным.

Но как говорят умные люди, не надо делать преждевременные выводы относительно тех дел, исход которых еще не известен.

Глава первая

Помощь идет...

Я лежал в дальней комнате захудалого постоялого двора, жалея о своей загубленной жизни и размышлял о бренности всего сущего. Болело все – позвоночник, плечи, руки и ноги, локтевые и коленные суставы, а также все остальные косточки. Медикус говорил, что их насчитывается не то сто, не то двести штук. Не помню, сколько именно, но до тоффеля, то есть, много. Но больше всего меня беспокоило сердце. А ведь еще с утра, когда я вышел присмотреть за возчиками, все было нормально. А тут... И всего-то потянулся погладить рыжего котенка, шмыгнувшего под ноги, а тут, словно ударило копьём в грудь, причем удар нанесли изнутри и снаружи. Нет, скорее не копьём, а боевым молотом.

Лекарь, состоящий в свите принцессы – немолодой дядька, с пышными седыми усами и вытаращенными глазами сказал, что все дело в старых ранах, открывшихся изнутри и мне нужно просто полежать денька три-четыре, а лучше недели две. Лекарств у него для этого дела нет, да и не знает, какие лекарства сгодятся. Предложил напоить меня настоек из боярышника, но вспомнил, что боярышник он забыл собрать, да и валерианы у него нет. Решил отворить мне кровь, но потом сам же и передумал. Мол – недостаток

крови лишь ослабит организм, так что покой, покой и еще раз покой. Но что понимает лекарь, привыкший кромсать тела, чтобы вытащить арбалетный болт или через край зашивать раны, оставленные мечом? Уж я-то знаю, что у меня сердечный удар. Но спорить с медиком не стал, чтобы не позориться перед маленькой княгиней и перед остальным людом, привыкшим видеть во мне стальную скалу, способную сокрушить любую преграду и встретить любой шторм. Старые раны для воина гораздо приличнее, нежели какая-то сердечная болезнь. Мой друг и двоюродный дедушка герцога лишь повздыхал, сказав, что подходящих трав у него тоже нет, а то, что есть, для моего организма не годится. Мол, старые раны – штука тонкая, это тебе не бодрящее зелье, чтобы по девкам бегать. А магическое воздействие, способное поставить на ноги тяжело раненого, для меня, невосприимчивого к волшебным штукам, тоже не подойдет. При этом, Габриэль посматривал на меня слегка насмешливо, будто на что-то намекая. Он что, считает, что мое нынешнее состояние – прямое следствие некоторых э-э ... бессонных ночей? Врет, собака такая, хоть и маг. Отродясь по девкам не бегал, тем более в Севре, а те, что сами ко мне приходили, они не в счет. Элис и Миса мои боевые подружки, девы-воительницы. Да что маги, бросающиеся по пьянке огненными шарами, понимают в нормальных человеческих болячках?

Понятное дело, что в Силинг обоз ушел без меня. Куда годится умирающий телохранитель, а трогать с места увечного

воина тоже не дело. Договорились, что как только я встану на ноги, то сразу же догоню. Я даже Генрика вместе с телегой отправил с остальным народом, чтобы он не замедлял нас с гнедым. Барон предлагал оставить со мной пару вооруженных рыцарей, чтобы было не скучно, но я отказался. Неизвестно, сколько я пролежу, к чему ребятам торчать на постоялом дворе и перемывать мои больные косточки?

Провалился день, потом ночь и утро следующего дня. Лучше не становилось, но долго пролежать в постели не мог. Во-первых, трудно устроиться поудобнее, если ноет каждая косточка, а во-вторых, хозяин не озаботился поставить в комнате ночной горшок. А в-третьих... А в-третьих, я просто терпеть не могу лежать просто так, особенно если это белый день.

Вышел, боясь потревожить сердце, но все равно оно давало о себе знать. Прижал его ладонью, чтобы не выскочило из груди, так и пошел. Когда проходил по общему залу, увидел, что около стойки пьет пиво какая-то странная, полупрозрачная фигура, похожая на привидение. Возможно, к трактирщику заглянул в гости призрак какого-нибудь усопшего родственника поболтать да заодно выпить пива. Это старый рыцарь фон Йорген не пил со мной кавы и даже не разговаривал, а в этих местах все возможно.

Сделав свои дела, доковылял до конюшни. Гневко, в одиночестве жевавший овес, с недоумением спросил:

– Иго-го?

– Да вот, приболел, – грустно пояснил я, досадуя, что никто не рассказал жеребцу о неприятности с его хозяином. Впрочем, а кто догадается, что это следовало сделать?

– Го-го, – мотнул головой жеребец, сочувственно ткнувшись мне в щеку теплыми губами. – И-г-го-го...

– Постараюсь, – вздохнул я, погладив верного друга по лбу.

– Го, – кивнул гнедой на выход. Дескать – иди, отлеживайся.

– Пошел, – грустно ответил я, отправляясь в свою комнатушку.

Когда возвращался обратно, никого, кроме хозяина не было. Видимо, призрак решил вернуться в могилу. Трактирщик смерил меня оценивающим взглядом. Верно, уже прикидывал, во сколько ему обойдутся похороны и хватит ли того, что отыщет в сумках и карманах на расходы. На коня и оружие с доспехами вряд ли кто-то покусится, их отправят ко двору герцога, а вот все остальное – законная добыча не только мародеров, но и прислуги, включая трактирщиков и хозяев постоянных дворов.

Пока ходил во двор, замерз и предпочел опять забраться в постель. Улегшись, принялся вслушиваться в звуки сердца. Кажется, стучит сильнее, чем прежде. Правильно, как я и думал – сердечный приступ.

Себя мне было не жалко, зажился на этом свете, но предполагал, что умру иначе, а не столь нелепо. Чем хорошо уме-

реть в бою, а не в постели, так это тем, что не заморачиваешься о грядущем. Словил себе палицей по башке или стрелу в грудь, брякнулся оземь, умер и не надо размышлять – как там твои друзья и родственники, а тут лежи и думай. Может, я малость оклемаюсь и доеду-таки до Силинга, а иначе остается много нерешенных дел. Скажем, кому оставить свое оружие и доспехи? Лучше всего завещать их Мисе и Элис, юным воительницам пригодятся. Панцирь отдадут оружейнику, переделает. А что с мечом и кинжалом? Для девочек клинки великоваты, значит, достанутся их детям, если родятся мальчишки. Надеюсь, от наших кратковременных встреч последствий не будет, хотя, кто его знает.

Так, теперь с Кэйтрин. Она нынче не бедная сиротинушка, приживалка у собственных слуг, а целая баронесса, со всем вытекающими. Но все равно, женщина, оставшаяся в одиночестве, легкая добыча всяких мерзавцев. Вдова графа – это куда солиднее. Жаль, что официально мы не успели пожениться, но в Силунге практикуется не только официальный брак, но и сожительство. Нет, сожительство звучит некрасиво, укажу ее в завещании как невесту, чтобы девушке досталось имение предков, а заодно и мои деньги, хранящиеся у господина Мантиза. Впрочем, часть денег нужно завещать юному принцу на просвещение малолетних жителей герцогства. Половину? Нет, половина на образование – слишком жирно. Студioзы должны быть голодными, чтобы поглощать знания. И сколько?

– Помирать собрался?

Вопрос, прозвучавший неожиданно, помешал моим расчетам. О, так это мой брауни. Как всегда, явился неожиданно.

– Как пойдет, – буркнул я, потом спохватился. – Ты мне листок бумаги не отыщешь, а заодно стилос?

– Завещание собрался писать? – заинтересовался домовой. Почесав нос, глубокомысленно изрек. – Деньги ты Кэйтрин отдай, девке нужнее, а вот котика, не взыщи, себе заберу.

– Сейчас сапогом кину, – мрачно пообещал я, недовольный таким нахальным заявлением. Я, понимаете ли, еще не умер, а эта мелкая домашняя нечисть уже Шуршика собрался забрать. Ишь, на котика пастенку раззявил. Хрен тебе, а не котик.

– Слышал, что твой дружок в брауни кувшином кинул и что теперь? – хмыкнул домовой. – Привел как-то девку домой, в постель уложил, а домовый им дохлую крысу в самый интересный момент подложил. Знаешь, как оба орали?

Я только отмахнулся. Что мне теперь какие-то дохлые крысы, песок в постели? Все это суета и бренность. Вздыхнул.

– Я же говорил рыцарю, что нужно перед брауни извиниться, пивка с ним выпить, поговорить.

– Так он и выпил, только не пивка, а шнапса, а потом решил с брауни на брудершафт выпить, а мы такого фамильяр-

ства не любим.

– И что ему теперь делать? – заинтересовался я так, что даже о сердце забыл.

– А что делать? – картинно взмахнул домовой ручонками. – Терпеть и ждать, дурака не валять, а домовику каждый вечер пивка оставлять. Глядишь, он со временем и простит. Мы же ребята отходчивые, да и хозяина жалко.

Что ж, у рыцаря фон Шлангебурга свои проблемы. Эх, мне бы их сейчас.

– Ясно, – вздохнул я, снова почувствовав биение сердца.

– Э, так что у тебя стряслось-то? – поинтересовался-таки доброжил. – Ты еще на Кэйтрин не женился, а норовишь девушку вдовой оставить. А в подвале, между прочим, окна не забраны, снег сойдет, все зальет. Кто присматривать станет? Я Кэйт уже раза два говорил, а она забывает. Ну, так чего разлегся?

– Сердце, – с достоинством отозвался я, показывая на левую часть груди.

– Сердце? – с недоверием переспросил брауни, внимательно вглядываясь в меня. – Не, не похоже.

– А ты что, специалист по сердечным заболеваниям? – фыркнул я. Хотел сказать еще что-нибудь нелестное для бородатого знахаря, но не стал. А вдруг не умру, что тогда? Брауни существа пакостные. Чесотку найдет или, как его коллега, подкинет в постель дохлую крысу. Вздохнув, жалостливо попросил. – Ты бы мне чашечку кавы принес, а?

Вдруг не доведется больше попить.

– Подождет твоя кава, – отмахнулся домовый. – Я гляжу, губы у тебя розовые, а у тех, кто сердцем мается они синюшные, как слива. И шустер ты не в меру, болтаешь много. Те, у кого сердечко прихватило, помалкивают и лежат спокойно, как старый мерин.

– Ну спасибо дедушка, обласкал, – обиделся я, а потом мне стало смешно.

– Ты чего это? – удивился доброжил.

– Представил, как старый мерин лежит в постели и жалуется на сердце.

Теперь мы смеялись оба. Я хохотал так, что опять прихватило и спину, и шею, да и сердце дало о себе знать. Закашлялся, зашелся от боли, ухватившись за грудь...

– Ну-кошь, парень, рубаху задирай и ложись на пузо, – потребовал брауни, а когда я с кряхтеньем и кекеканьем начал задирать подол, а потом с трудом перевернулся на живот, кинулся мне помогать.

Я даже не думал, что у домовых столько сил. Старый доброжил вытряхнул меня из нижнего белья, а потом приступил к пыткам – мял мои больные кости, разглаживая сочленения, прощупывая каждый позвонок. А еще щипался, как ошалевший гусь. Я подумал, что, коли выживу, то мне теперь даже пыточная камера и Натэла-палач не страшны. Захотелось завывать, но мешала гордость – как это так, цельный граф начнет стонать в присутствии домашней нечисти?

А эта бородатая скотина продолжала измываться над моим беззащитным телом. Мало того, что засовывал свой маленький, но тяжелый кулачок в мою спину (мне казалось, что он проникает насквозь, до самого брюха), но в завершение еще и принялся прыгать по мне. А задние лапы у домового оказались еще тверже, чем передние.

– Дед, да ты совсем ошалел, – еле-еле простонал я. – Скачешь по мне, словно ... этот самый.

У коня копыта помягче, слон тоже топчется не так сильно, как дух дома. Придумать, с кем сравнить пляшущего по спине домового не сумел, поэтому притих. А эта ... бородатая зараза, закончив пытку, укутал меня одеялом и довольно сказал:

– Полежи малость, погрейся.

– Э-ке-ке, – сказал я в ответ, понимая, что если еще не умер, то теперь уж точно помру.

– Костохрящики у тебя болят, вот и все.

– Что болит? – вытаращился я.

– Кости болят и хрящики, – любезно пояснил брауни. – Я научного слова этой болезни не знаю, может, это и не болезнь вовсе, а так, возраст, да старые болячки.

– А сердце?

– Это тебе только кажется, что сердце болит, но оно в порядке. Ну-кошь, встать сможешь?

Я привстал с постели ожидая, что сейчас опять прихватит, а боль разойдется по всему телу, но ничего. Руки и но-

ги побаливали, в спину, между лопаток, словно кол вбили, но по сравнению с тем, что было недавно, совсем другое дело. И руки зашевелились. Понял, что могу не только забраться в седло, но и скакать, да и мечом смогу поработать. А еще захотелось есть. Еще бы не захотелось, если не ел с позавчерашнего дня.

– Вот теперь можно и кавы тебе принести, – резюмировал брауни, исчезая в неизвестном направлении.

Вернулся домовой позже, чем обычно, зато на подносе, кроме приличной чашки с дымящейся кавой имелась тарелка с омлетом и два куска хлеба, щедро намазанных маслом. Словом, именно то, что требуется для утреннего перекуса. Откуда он это все спер? Вон, даже вилка есть. Хотя, какая разница?

Пока я уплетал завтрак, осознавая, что коли есть аппетит, то помирать я пока не стану, домовой говорил о том, что кроме подвальных окон, есть и другие заботы – на крыше треснули две черепичины, но чтобы их заменить, придется меня весь ряд.

– Как вернусь, обо всем распоряжусь, – сообщил я, допивая каву.

– А когда ты вернешься? – хмыкнул дух дома. – Опять, небось куда-нибудь ускачешь, а крыша скоро течь начнет.

– Если герцог ничего не придумает, то скоро, – пообещал я. Подумав, добавил. – Вот, честно тебе скажу – по возвращении и подвал, и крышу отремонтирую.

– Сам? – усмехнулся брауни.

– Ну, конечно не сам, – смутился я. – Где это видано, чтобы графы по крышам лазили да черепицу перекладывали?

– Эх, и чего меня в графскую усадьбу занесло? – затосковал брауни. – Нет бы, жил себе в крестьянской лачугу, покой и нега. Крыша прохудилась – пнул пейзажину в бок, сам бы полез, как миленький.

Я только развел руками. Откуда мне знать, по какому принципу домовые выбирают место для жилья? Хмыкнул:

– Ты радуйся, что тебя в герцогский или королевский дворец не занесло. Представь, сколько там помещений, да и крыша огромная. Там бы ты точно пропал.

– Да я и радуюсь, – буркнул доброжил. Вздыхнул. – Чувствую, придется мне самому и крышу крыть, и оконце заделывать. Не посылать же Томаса.

Я рассеянно кивнул и принялся собираться. В спину стрельнуло, но терпимо. Если прямо сейчас выеду, то к утру догоню обоз.

– Рано тебе еще в седло, – заметил бородатый знахарь. – Сегодня полежать нужно, а завтра с утра и выедешь. Дни нынче короткие, скоро стемнеет. Куда спешить?

Пожалуй, домовый прав. Зачем ехать впотьмах? Да и спина еще немного побаливает.

– А почему раньше такого не было? – поинтересовался я.

– Раньше? – фыркнул брауни. – Раньше-то ты с седла не слезал, мечом каждый день махал, а теперь дома сидишь,

бездельничаешь.

— Почему бездельничаю? — обиделся я. — Я, между прочем, и с разбойниками сражался, и с лягушкой огромной.

— Представь, что ты ночью от волка удираешь. Представил? — От волка бы я удирать не стал, а иначе, зачем носить при себе меч, но кивнул, понимая, что доброжил выражается образно. — Так вот, когда ты от волка удираешь, — продолжил домовой, — тебе все равно, что по морде ветками бьет, в пятку сучок впился, потому что все это ерунда по сравнению с зубами. Так?

— Ага, — согласился я.

— А вот когда ты от волка удрал, в свою норку забился, вот тогда до тебя и дойдет, что рожа ободрана, из ноги кровь хлещет и все болит, чешется, и впору лекаря звать. Понял?

Не скажу, что я очень умный, но ума хватило, чтобы осознать — мелкие беды, на фоне большой опасности меркнут, но никуда не деваются, а просто ждут своего часа.

— И что мне теперь делать?

— А что делать? — хмыкнул доброжил. — Либо дожидаться, пока тебя и на самом деле смертушка заберет, либо себя вести по-другому.

— Это как?

— Да просто. На ночь не нажираться, ложиться и вставать вовремя, а не тогда, когда тебе хочется, по девкам поменьше бегать, а самое главное — телу своему не давать расслабляться, а чем-нибудь его занимать. Вспомни, ты же навер-

няка в прежние времена по утрам бегал, мечом размахивал не только в бою, но и для удовольствия...

— Ну, когда это было, — хмыкнул я, вспоминая учебный лагерь короля Рудольфа, где мы по полдня, а то и дольше, бегали и скакали, упражняясь с оружием, а еще таскали какие-то тяжести.

— Вот, а в последнее время ты чуйку потерял, расслабился, пузико отрастил. Так что, вернешься домой, займись чем-нибудь. Побегай там, попрыгай, еще можешь в речке поплавать, а лучше дров поколи. И для тебя польза, и дому выгода.

Глава вторая

Раскрашенные люди

– Ваша милость, а меня сдачи нету, – хитровато прищурился трактирщик, перед которым я кинул свою последнюю монету. Ту самую, убереженную на празднике. Как чувствовал, что она мне может понадобится.

Я не стал поправлять, что меня следует титуловать не «милость», а Сиятельство и непременно с большой буквы. Талер за два дня и две ночи, пусть даже с учетом Гневко, по здешним ценам дороговато. На серебряную монету постоянный двор может прокормить полуэскадрон.

– Врешь ведь, и не краснеешь, – хмыкнул я. В прежние времена наемник Артакс вытряс бы из трактирщика не только медь, но и душу, а графу, вроде бы, неловко. Но попустительствовать нахалу тоже не след.

– И какие предложения? – холодно зато поинтересовался я, поглядев в наглые глазенки.

– А не хотите, Ваша милость ...

– Светлость, – поправил я трактирщика.

– Виноват, Ваше сиятельство, то есть, светлость, – залезил тот.

– Если хочешь мне девку предложить, сразу скажу, что откажусь.

– Нет, Ваша светлость, зачем же девку? – набычился тот. – Да и девки, как обоз пришел, перепугались и разбежались, их теперь дня два искать придется.

– Короче, – сурово сказал я.

– Ваша светлость хочет обоз догнать, верно? Так я предлагаю не вслед за обозом скакать, а путь сократить. Ежели прямо сегодня выйдете, то через язык пройдете, а к вечеру в Тавлинках будете, вам еще самом придется ждать.

– Ну-ко, ну-ко, – заинтересовался я. – И что за язык такой?

Трактирщик плеснул на пыльную стойку каплю вина, размазал ее и нарисовал нечто похожее на вытянутую кляксу.

– Вот тут, – ткнул он пальцем в основание рисунка, – вот тут мы. А если напрямую пройти, вот так вот, – резанул он кляксу на две неравные части, – так вы два дня выгадаете. Обоз-то вокруг пойдет, а вы напрямую.

– А в чем подвох? – любопытствовал я. – И почему дорога не прямо идет?

– Так раньше тут болото было, куда по болоту идти? Дорога вокруг огибает, так подлиннее, зато по суше. Болото высохло. Ну, почти высохло, – поправился хозяин, – а тракт по старинке идет, крюк делает. А я вам проводника дам. Он так проведет, вы даже копыт и сапог не замочите. Проводник за свою услугу два медяка берет, а я с ним потом сам рассчитаюсь. И всем хорошо будет. Вы, Ваша светлость, обоз нагоните без труда, проводник денежки заработает.

Я раздумчиво посмотрел на «чертеж». А ведь в том, что говорил трактирщик, был смысл. Зачем гнать гнедого сломя голову, если есть возможность и время сэкономить и путь срезать?

– А проводник – это не привидение часом?

– Не, привидение – это хозяин прежний, – хохотнул хозяин. – Лет двадцать как помер, а ходит, интересуется. Мы поначалу побаивались, а теперь привыкли. Вреда от него нет, а польза бывает. А в проводники я вам живого человека определяю.

Болото я не люблю. Но что толку его любить или не любить, обожать или ненавидеть, если жидкая и полужидкая грязь, проросшая кустами и травой составляет добрую треть земель хоть в Швабсонии, хоть здесь, в Силингии? Болота и болота, тоффель им в дышло и селезенку и прочие части, если они есть. Осушили бы их поскорее, что ли. Земли, годной для пашни, станет больше, а комаров поменьше. Хотя мои ученые коллеги уверяют, что болота для чего-то нужны, но ученые, равно как и писатели, постоянно болтают невесть что. И художники, малюющие унылые пейзажи, им вторят. Кому нужна земля, перемешанная с водой до состояния киселя? И голодные комары, атакующие живого человека похлеще вражеских лучников? А еще постоянно кто-то орет, словно заблудившаяся собака. Вот бы сюда ученых мужей, чтобы помесили сапогами болотную грязь, посматривая по сторонам – нет ли приличной кочки, на которую можно

поставить мокрую ногу? Нет, я определенно по возвращению домой найму и отправлю в эти края работников, чтобы осушили выделенный мне князем кусок болота. Внесу, так сказать, свой вклад в дело окультуривания почвы, а заодно превращусь из «болотного ярла» в сухого. Чем плохо прибавить к имеющимся титулам ярл Сухоземельский?

М-да, какого тоффеля я так некстати приболел? Мог бы плюнуть на разболевшиеся косточки и ребрышки, собраться с силами, сесть в седло. В дороге все болячки проходят, проверено. Сейчас полеживал бы где-нибудь на суше, грея старые косточки у огня и потягивая кипяток, сдобренный листьями мяты, посматривая на воинов и возчиков.

Ладно, чего это я так разворчался? Возраст, наверное. Нет, стареть не хочу, у меня невеста молодая. Значит, будем искать положительные стороны. Да, болото под ногами, но почти не хлупает, ну и что? Зима, комаров нет и нас с гнедым никто не жрет. Змей не видно и это тоже неплохо. И ноги, хотя и в холоде, но сапоги крепкие, не промокли. Ветер дует, но плащ теплый.

Ниврад, как звали моего проводника, повел нас с Гневко куда-то в сторону, отчего я поначалу встревожился, но потом успокоился. По моим расчетам мы шли не напрямик, а забирали влево, но не чрезмерно. Общеизвестно, что не существует прямых путей и если мы собираемся «спрямить» маршрут, то по болоту придется «кривить».

Болото не промерзает и зимой. Даже сейчас кое-где вид-

нелись лужи (некоторые ржавого цвета, что указывало на наличие железной руды), но идти все-таки полегче, чем летом.

Если парень решил завести меня в трясину, так ему хуже. Голову я проводнику оторвать успею, а заблудиться не заблужусь. Все-таки ориентироваться на местности обучен, солнышко и луна никуда не делись, звезды тоже. Авось да сумею с помощью небесных светил и гнедого отыскать дорогу обратно, а уж там, как пойдет.

Но проводник не производил впечатление злодея. Дорогу выбирал почти сухую, а из оружия имел только короткий нож, годный, разве что потрошить лягушек или подрезать черенки у цветов. А вот одет странно – в кожаной безрукавке на голое тело и короткие штаны. И без обуви. Я не стал спрашивать – холодно ему или нет и так понятно, что не холодно. Знаю, что есть такие люди, которым нравится холод, но сам я кутался в плащ, подбитый мехом и поглубже нахлобучивал шапку с ушами. И кости время от времени ныли, и сердце напоминало о своем существовании. А проводнику хоть бы хны. Идет по болоту босой, приподнимая ноги и шествуя, словно цапля. Я даже попытался рассмотреть – нет ли между его пальцев перепонки, но нет, конечности самые обычные.

С гнедого все-таки пришлось слезть, хотя Гневко и готов нести хозяина куда угодно и по чему угодно. Но наш путь проходил по болотной жиже, в которой мой конь утопал по самые бабки и я решил не рисковать. Ежели ухнем в какое-нибудь болотное «окно», так лучше тонуть по отдельно-

сти, чтобы помочь друг другу. А вместе, так и уйдем куда-нибудь вниз, в глубину болот. Я даже не уверен, что достигнем дна, зато далекие потомки, лет через тысячу отыщут в торфе всадника на коне, станут гадать – и чего же эти дураки сюда полезли?

– Скоро выйдем на твердь, – успокоил меня проводник, будто прочитавший мои мысли.

И впрямь, мы прошли по болотной жиже каких-нибудь сотню ярдов и вышли на твердую поверхность. Нет, определенно веселее. И жижа не чавкает под ногами, и ветер, вроде бы, воет не так противно и зловеще. Зато уши наполнились иными звуками. Откуда – то доносились удары в барабаны и пение на языке, которого я никогда не слышал. Нет, врать не стану, что слышал все языки на свете, но эти звуки мало напоминали человеческие. И ритм, что отбивал неизвестный барабанщик, был абсолютно не знаком и не согласовывался с чем-нибудь родным и знакомым – хоть со строевым маршем, хоть с танцем. Впрочем, мало ли на белом свете музыки?

Пение все громче и громче. Если вслушаться, то можно различить щебет птиц, вой ветра и кваканье лягушки. Пожалуй, кваканье как раз больше всего и подходило к болоту. Надеюсь, мы идем в гости не к родичам ундины, которую мы с магом едва-едва успокоили?

На клочке суши, окруженном сплошным болотом, горел яркий костер, вокруг которого плясали странные люди – по-

что голые, если не считать одеждой передники стыдливости. Правда, одежду им с лихвой заменяла краска – красная, зеленая и синяя, покрывавшая тела толстым слоем. Присмотревшись, я понял, что цвет имеет прямое отношение к полу и возрасту. Взрослые мужчины окрашены в красный (вернее, в охристый) цвет, женщины (грудь-то рассмотреть можно) – в синий, а молодежь обоего пола – в зеленый. Что же, все логично. Я напрягся, а рука привычно легла на эфес клинка, скосил глаз на Гневко, не сомневаясь, что жеребец прикроет мне спину, если понадобится, но Ниврод тронул меня за локоть.

– Они мирные, даже слишком мирные, – успокоил меня проводник. – Болотные люди лягушку не убьют.

Спокойные и миролюбивые дикари? Разве так бывает? Да они бы уже должны наспиговать меня стрелами. Не потому, что я враг, а на всякий случай. Чужак, он враг по определению. Интересно, чем они тут питаются, если даже не в состоянии убить лягушку? А змею могут?

Но раскрашенные люди при появлении чужаков не схватились за луки или копья, а начали разбегаться, причем, делали это довольно умело. Вроде, на болоте и прятаться – то негде, все кругом видно, а вот уже все исчезли, словно бы их тут и не было, а кругом дохлые березки да чахлые сосенки. Молодцы, мысленно похвалил я дикарей, но тут же их и отругал. Все – таки, допустили нас до самой поляны, а могли бы дозорных выставить, чтобы мы обнаружили лишь

костер. Ловушки могли бы какие-нибудь изготовить, сети на чужаков поставить.

Но убежали не все. Остался один из дикарей – старше остальных лет на сто, с длинной седой бородой. Старик улыбнулся мне вымученной улыбкой и кивнул на место рядом с собой.

– Садитесь, ярл, – предложил мой проводник, а потом с беспокойством спросил: – Вы же не станете убивать старейшину?

– Почему я должен кого-то убивать? – обиделся я. Он что, считает меня записным убийцей? Хорошее же обо мне мнение в княжестве сложилось. – Если старейшина не попытается меня убить, так и я его не трону.

– Он не попытается, – горячо заверил проводник. – Я ж говорил, они даже лягушку не тронут.

Лягушку-то может не тронут, кому она нужна, а вот человека? Ладно, посмотрим.

Проводник просиял и защебетал-заквакал, донося мое миролюбие до старика. А тот разразился в ответ длинной речью, состоящей из воя ветра и крика болотной птицы.

– Старейшина рад, что вы не станете его убивать, – сообщил проводник.

Вместо ответа я только вздохнул. А что отвечать-то? Я тоже бываю рад, если меня не хотят убивать.

– Эти люди привыкли, что если их кто-то встречает на болоте, то спешить убить, – сказал Ниврад. – Незнакомых все-

гда бояться.

Вот это я прекрасно понимаю. Все странное и непонятное лучше уничтожить сразу, чтобы не бояться и не ломать голову над последствиями.

Проводник хотел еще что-то сказать, но старик вдруг громко зачирикал, обращаясь куда-то в сторону. Не иначе, сообщал своим людям, что мы не представляем опасности.

– Ты понимаешь их речь? – поинтересовался я, хотя вопрос и был глупым. Ясно, что понимает, если чирикает так же, как «болотники».

– Немного, – скромно ответил Ниврад. – Я вырос на этих болотах, даже играл с в детстве с детенышами.

И скорее всего, приходишься этим людям либо близкой родней, либо дальним родичем. Но это я не стал говорить вслух.

– Спроси старейшину – можем ли мы немного отдохнуть и идти дальше? – попросил я.

– Не нужно спрашивать, – отозвался проводник. – Он уже сказал, что сейчас нас накормят, а потом проведут по короткой тропе.

– А Гневко пройдет? – обеспокоенно спросил я.

– Телега пройдет, а не то, что конь, – сказал Ниврад. – На самом-то деле на болоте очень много дорог.

– Это хорошо, что дорог много, – кивнул я. – И то, что покормят, тоже неплохо.

– Только, господин ярл, – замялся парень, – вы вряд ли

станете есть их пищу. Они не едят горячего, да и еда для вас непривычная.

Тоже не страшно. В седельном мешке у меня хранился кое-какой запас и для себя, и для гнедого, поэтому не переживал. Лучше я сейчас расседлаю жеребца и отпущу его попасться. И сапоги с портянками неплохо бы просушить.

– Гр-рр. Иго... – недовольно пробурчал гнедой, кивая на траву.

Я только пожал плечами. Сам вижу, что трава здесь дохлая, подмороженная да еще и притоптанная пятками. А где я другую найду? Одуванчиков с клевером придется ждать до весны. Полез, было, за овсом, но жеребец отмахнулся – мол, потом. Пристукнув меня хвостом, гнедой отправился отыскивать съедобные травинки. Авось, что-нибудь и найдет. Ну ничего, перейдем болото, а там будет и настоящее сено. Хотя, если перед нами прошел обоз с принцессой, то отыскать фураж для жеребца проблематично. Ничего, отыщем, не в первый раз. Приходилось нам с жеребцом хаживать такими дорогами, по которым шло тысячное войско и, ничего. У пейзажа всегда есть какая-нибудь заначка, с которой они расстанутся, если дать денежку.

Пока я снимал седло, объяснялся с боевым товарищем, устраивал в тепло промокшие ноги и сапоги, к костру робко подошли два аборигена, выкрашенные синей краской. У них при себе имелись корзиночки, заполненные чем-то странным – склизким, переливающимся, напоминающим лягуше-

чью икру, хотя какая икра глубокой осенью?

Старейшина и проводник принялись немедленно уплетать «яства», зачерпывая их пальцами, а я вытащил из седельной сумки лепешку и сыр. Хотелось солонины, но решил с мясом повременить. А вдруг это оскорбит туземцев? Вон, старейшина даже на сыр смотрит с отвращением. Ну и смотри, хрен с тобой. Мне тоже твоя еда не нравится. Еще им не понравился запах моих портянок и сапог, установленных возле костра, так и мне запах болота не нравится.

– Старейшина спрашивает – могут ли его люди вернуться к пляске мертвых? – спросил проводник.

– Да на здоровье, пусть пляшут, – отмахнулся я, а потом спохватился. – Почему мертвых?

– После пляски все болотники умирают, – сообщил Ниврад.

– ??

– Они умирают до весны, – успокоил меня проводник.

Типа, впадают в зимнюю спячку, словно медведи? А что, удобно. Улегся себе, дрыхнешь и есть-пить не надо. Хотя, зима-то уже заканчивается, какой смысл укладываться спать?

Раскрашенные люди появились словно из-под земли и принялись плясать вокруг костра, не обращая на нас ни малейшего внимания. Я, поначалу, пытался рассматривать женщин, но бросив взгляд лишь на одну, успокоился. Не тот случай, чтобы смотреть. Увидишь такую, будут кошмары по ночам сниться. Из любопытства пересчитал народ.

Насчитав двадцать пять человек разного возраста, вспомнил обрывок какой – то университетской лекции о том, что «примитивные племена не могут быть большими, потому что охотой и собирательством невозможно прокормиться на небольшой территории» задумался – а как же тутошние болотники живут без охоты? Что в болоте может быть съедобного, кроме ягод и мухоморов? Впрочем, если пляшут вокруг костра, как-то живут. И на зиму в спячку уходит, тоже плюс.

– Ты убил нашу богиню, – неожиданно сказал старик на чистейшем человеческом языке.

Мне бы удивиться, но не стал. Верно, подспудно ждал чего-то такого. Удивился другому. Это какую-такую богиню я убил? Потом до меня дошло, что речь идет о той лягушке-переростке, с кривым мечом. Как там ее? Зензибаба? Нет, Забазена. Надо же, запомнил. Эх, как жаль, что не сумел сохранить сикль для коллекции.

– Если ее убили, так что это за богиня? – хмыкнул я.

– Это наша богиня, другой нет, – угрюмо сказал старик. – Забазена спала в глубине болот сотни лет, но она была нашей хранительницей. Она и всего-то вышла насытиться кровью, а ты ее убил. Мы услышали ее смерть и проснулись. С тех пор не можем уйти в наши зимние жилища и пляшем здесь каждый день пляску смерти.

– Надо было вашей Забазене насыщаться в другом месте, а не тревожить честных людей. И она бы цела была, и вы бы

спали, – буркнул я.

– Ты не хочешь стать нашим богом, убийца богини? – с надеждой поинтересовался старейшина. – Мы отдадим тебе наших женщин, научим жить под землей и под водой, спать до весны, а то и дольше. Для начала нужно задержать дыхание, это не трудно. Мы можем сварить тебе зелье из прошлогодних грибов и ты заснешь на тысячу лет. И мы тогда сможем опять уйти в жилища.

– Нет, не хочу, – ответил я, стараясь сохранить серьезный вид. В жертву каким-то древним богам меня хотели принести, но богом стать ни разу не предлагали. Сидеть в болоте тысячу лет, а потом вылезать наружу и «насыщаться»? И эти, «синие танцовщицы», предложенные как женщины. Брр... Грибочки прошлогодние, еще не легче. Нет, если грибов нажраться, так и страшные болотницы могут показаться красавицами, но лучше не стоит пробовать на старости лет. Нет уж, нет уж. Ищите дураков в другом болоте.

– Я так и думал, – вздохнул старик. – А он? – кивнул старик на коня, тщательно пережевывающего какой-то мох с кочки.

Нет, я очень сдержанный человек. Даже герой. Не знаю, как сумел удержаться не то, что от улыбки, а от ржання, а ведь сумел! Впрочем, из жеребца получится неплохой бог.

Покосившись на Гневко, сказал:

– А мы его самого и спросим.

– Не надо, – отчего-то испугался старик. – Я и так вижу,

что ваш четвероногий спутник откажется. Да и женщины наши ему не понравятся.

Это он верно сказал. Болотные женщины жеребцу точно не понравятся, он иных дам предпочитает.

Я дожевал сыр, заел лепешкой, потянулся к фляге. Отпив, подумал, что надо бы пополнить запас – вон, Гнедой напился из той лужи, значит вода хорошая.

– Так где нам взять нового бога? Если у нас не будет хранителя, мы никогда не заснем, – грустно спросил старик, словно я должен ему взять и выложить какое-нибудь божество. И где посередине болота его найду? Хотя...

– Так вы сами сделайте.

– Как? – обомлел старейшина.

– А вот так, просто.

Я вытащил кинжал и принялся ковырять почву. Тщательно освободив землю от корней, угольков и листьев, начал творить. Сначала изготовил основу из веточек и травы, а потом обмазал получившегося уродца мокрой землей. Ваятель из меня так себе, да и болотистая почва – это вам не гончарная глина, но спустя минут пятнадцать у костра стояла небольшая фигурка – кривая, с обсыпавшимися руками, но готовая.

– Это я так, для примера, – смущенно сообщил я, втайне любуясь работой. Кому как, а мне эта земляная кукла нравилась.

Старейшина и разноцветные танцоры, оставившие пляску

смерти, смотрели на изделие моих рук, словно на некое чудо. Они что, никогда скульптур не видели? Впрочем, откуда на болоте взяться скульптурам, если нет скульпторов?

– Вот вам и богиня, – сообщил я. Потом, на всякий случай, строго сказал. – Если я убил вашего бога, то могу дать нового. Он теперь ваш хранитель и вы можете уйти спать.

Все присутствующие, включая проводника, дружно опустились на колени вокруг земляной куклы, а я подумал – а стоит ли рассказывать о своем «изделии» на исповеди? В сущности, я сейчас создал идола, вместо того, чтобы рассказывать несчастным дикарям о Едином. Но теперь уже поздно. Вон, как вытаращились. Пожалуй, патеру придется обо всем рассказать, а уж он пусть решает – насколько серьезный грех я совершил. Надеюсь, святой отец поймет, что идол я соорудил не из злого умысла, а по глупости.

– Как ее зовут? – с благоговением спросил старейшина, взяв в руки куклу. – Или его?

– Никак. Лучше, чтобы у вашего бога не было ни имени, ни пола. Но вам придется позаботиться, чтобы фигурка не осыпалась. Можно намазать клеем или краской.

– А в какой цвет? – деловито поинтересовался старейшина.

– А во все, которые у вас есть, чтобы ваш бог был и молодым, и старым, и женщиной, и мужчиной.

Раскрашенные люди дружно завyli и принялись отбивать поклоны не то мне, не то своему будущему богу. Нет, опре-

деленно придется мне выслушать от патера немало добрых» слов.

Глава третья

Когда встречают по одежде

– Вот, сами поглядите, господин ярл, с этой горы до деревни рукой подать, – сказал проводник.

Я бы не стал называть холм горой, но спорить не стал. Для жителя болот и равнин и холм, высотой в двести ярдов, за гору сойдет. А деревня на самом деле словно лежала на ладони – два десятка домов, хозяйственные постройки и постоянный двор, стоящий наособицу. Конюшня, возы с сеном. Суеты не видно. Значит, обоз с принцессой еще не прибыл, а иначе бы здесь все напоминала развороченный муравейник. И свежий снежок, покрывающий крыши и все вокруг. Красота!

– Я вам больше не нужен? – поинтересовался Ниврад.

– Да как сказать... – неопределенно протянул я, соскальзывая с седла. Ухватив проводника за плечи, кинул его лицом вниз, в прошлогоднюю жесткую траву, а потом уперся парню коленом между лопаток. – А теперь рассказывай, сволочь, почему ты меня к болотникам завел? Думаешь, поверю, что заблудился?

Проводник ответил что-то невнятное.

– Что ты сказал? – поинтересовался я. – Говори четко, чтобы я понял.

Ниврад продолжал бурчать нечто нечленораздельное. А, так он просто не может говорить. Слегка освободив парню голову, убрал колено и ласково попросил:

– Давай, лягушоночек, рассказывай, а иначе не видать тебе моих медяков. Так они у трактирщика и останутся, а ты здесь, воронам на радость.

– Я не за медяки шел, – с обидой отозвался проводник. – Мне старейшины приказали ярла, который богиню убил, то есть вас, к ним привести, чтобы он нашим богом стал. Решили, что ярл от такой чести не откажется. Я за вами три дня шел, думал, не выполню приказ, домой возвращаться не стану, а тут такая удача. Но вам бы никто плохого не сделал. И времени вы несколько не потеряли.

В общем-то, ничего нового я не узнал, а то, что проводник меня куда-то заводит, понял еще на болоте. И что мне с этим парнем делать? Убить? Пожалуй, не стоит. Он ведь и на самом-то деле ничего плохого не сделал, зато провел меня самым коротким путем.

– Ты сам-то, кем будешь? Болотником? – поинтересовался я.

– Мать у меня человек, а отец – болотник, – пояснил парень. – Я поначалу у матери жил, но меня постоянно на болото тянуло, к отцу. Теперь я и там, и тут.

М-да, и какая человеческая женщина решилась забеременеть от болотника? Впрочем, в жизни еще и не такое бывает.

– Ладно, проваливай, – ослабил я хватку, потом передумал.

мал. – Хотя, постой. Что это за дрянь вы со своим старейшиной ели?

– Личинки голубых мух, – отвечал Ниврад. Кажется, проводник слегка обиделся за слово дрянь.

– Какие личинки зимой? – удивился я.

– Голубые мухи живут в торфяниках, у них нет крыльев, зато откладывают личинки круглый год. Это самое вкусное, что я когда-либо ел.

М-да, мухи без крыльев, да еще и голубые. Личинки... Тьфу.

– Ярл, уж если вы меня не убили, то скажите – отчего вы не захотели стать богом?

И что ответить? Пускаться в теологические дебаты? Так в них мои друзья по университету сильны, но не я. А говорить, что верю только в Единого, тоже нет смысла.

– Иди, – только и сказал я. – И не задавай глупых вопросов.

Провожая парня взглядом, примерился к его спине – вон, лопатки торчат, так и просят всадить клинок между ними. Врать не стану – если бы болотник побежал или просто ускорил шаг – завалил бы и угрызениями совести не мучился, а метать клинок в сгорбленную спину противно. Нет, определенно становлюсь слишком добрым.

– И-го? – поинтересовался Гневко.

– Не стоит, – отмахнулся я, заскакивая в седло. Понимаю, что гнедой, которому ходьба по болоту понравилась

еще меньше, чем мне, очень хотел догнать проводника и лягнуть полуболотника пониже спины, но коли уж мы его отпустили живым, так и калечить не было смысла.

В этой деревне мы останавливались, хотя я ее и не помнил. Столько деревень попадалось на моем пути, а уж постоянных дворов и того больше. Пейзаны не бедные – дома не фахверковые, а каменные. Крыши, правда, крыты не черепицей, а соломой, смешанной с глиной, но это нормально, это дешевле и практичнее.

Я был неправ, думая, что на постоялом дворе нет суеты. Вон, хозяин с подручным выкидывают из дверей старую солому, устилавшую пол в общем зале, тащат свежую. Что ж, молодцы, готовятся к приезду принцессы.

Я въехал, спешил и повел Гневко в конюшню. Однако, на пути возник крепкий рыжебородый мужик, вставший у ворот, словно часовой, решивший умереть, но не пропустить неприятеля. Это он зря. Коли умрешь, неприятель сам пройдет.

– Ты куда прешь, морда? – рыкнул рыжебородый.

– А ты кто, конюх? – поинтересовался я.

– А какое твое собачье дело?

Что-то меня здесь неласково встречают. Может, сразу в ухо дать? Впрочем, к конюхам я отношусь гораздо терпимее, нежели к остальному люду. Наверное оттого, что от них зависит благоденствие моего жеребца. Ладно, морду я ему позже набью, как уезжать стану.

– Расседлаешь, овса задашь, водичку гнедой свежую любит, – кротко сказал я, намереваясь вручить рыжему узду.

– Да куда ты... – попытался возразить мужик, но его рука уже оказалась в моем захвате. Он дернулся, было, пытаюсь вырваться, но упал на колени, горестно застонал, глаза наполнились слезами. Вкладывая в помятую ладонь узду, еще раз напомнил:

– Расседлать. Напоить и накормить. – Посмотрев на перемазанные ноги гнедого, засохшую грязь на брюхе, круп, в разводах ржавой болотной тины, добавил. – И почистить жеребца не забудь. Я сейчас еду закажу, перекушу и проверю. И не вздумай грубить, руку оторву, а заодно и язык.

Конюх хотел что-то сказать, но не рискнул, предпочитая остаться с жеребцом, а не с хозяином. А вот это он зря. Гнево просто устал с дороги, но его копыта могут нанести ущерб человеку больше, нежели мои руки.

Убедившись, что конюх, со стоном и причитанием повел гнедого в денник, пошел на постоянный двор. Но туда меня тоже не хотели пускать.

– Чего надо, бродяга?

Неужели мой вид напоминает бродягу? Ну, подумаешь, сапоги измазаны, плащ грязный, штаны тоже просытятся в стирку. Странно, я по болоту не полз, а вот измазаться умудрился. И гнедой, к слову, задницей по кочкам не елозил, а перепачкался. Нет, чтобы я еще хоть когда-нибудь отправился в болото!

– И что за день такой? – вздохнул я. – Мне бы поесть, а еще комнату для отдыха.

Хозяин вместе с помощником, видом напоминавшего вышибалу, засмеялись.

– Охренел? Сюда сейчас настоящая принцесса прибудет, а с ней свита – рыцари, а еще барон фон Скилур с самим Артаксом, – с гордостью сообщил хозяин.

А что, принцессы бывают ненастоящие?

– Ничего, они мне не помешают, – ответил я, сдерживаясь, чтобы не засмеяться. Ишь ты, с самим Артаксом.

Трактирщик с подручным удивились такой наглости, но в драку пока не вступали, решив урезонить нахала словесно.

– Мы второй день чистоту наводим, понимаешь? Ну куда ты, чушка болотная прешься? Ты нам свежие полы попачкаешь, а мы только что соломы натащили.

– Есть хочу, – сообщил я. Вздохнув, спросил. – А ты что, не узнал меня?

Хозяин смерил меня пристальным взглядом. Видимо осознал, что бродяги не носят с собой мечи, а одежда, хотя и запачканная, но недешевая. Да и коня моего он видел. Такой жеребец не у каждого состоятельного рыцаря бывает.

– Морда, вроде, знакомая, – нерешительно пробормотал он. – Верно, в охранниках служишь, при купцах? А где твой хозяин? И обоз его где? А почему грязный? Сразу скажу – хрен вам нынче, а не постой, у нас люди познатнее стоят.

– При купцах... – хмыкнул я. – А если я Артакс и есть, что скажешь?

Хозяин с вышибалой переглянулись и принялись хохотать так, что из конюшни им ответила какая-то лошадь. Отсмеявшись, трактирщик протер глаза кулаком и сказал:

– Ишь, Артакс он... Да знаешь ли ты, как Артакс выглядит? Он – во! А ты? Весь грязный, словно пикша болотная и тиной воняешь. Ну, парень, ты и шутник. Ладно, хрен с тобой, я нынче добрый. Проходи, садись в уголок, накормим чем-нибудь. Напакостишь – убирать заставлю. Но как обоз во двор въедет, то не взыщи, я тебя выгоню, чтобы ты своим видом похабным нашу будущую герцогиню не пугал.

Я мысленно загрустил. Вот ведь, как бывает, когда грязная одежда не соответствует внутреннему содержанию.

Скромно усевшись в конце длинного стола, я принялся ждать. Минут через пять, когда терпение уже начало иссякать, а в брюхе забурчало, дородная девка плюхнула передо мной миску с каким-то варевом.

– Что это? – поинтересовался я, с опаской заглядывая в миску. Нюхать вообще не рискнул.

– А сам не видишь? – ухмыльнулась деваха. – Каша перловая. Вчерашняя, правда, но, если голодный, так и такую съешь. Свиньи едят, не жалуются.

– Хозяина позови, – приказал я, расстегивая плащ, чтобы тот не мешал движениям. – Я ему эту кашу в глотку забью, а то, что останется, тебе засуну...

Не стал уточнять, в какое место стану засовывать, а девка открыла рот, чтобы достойно ответить, тут же его и закрыла, увидев, что под испачканным плащом скрывался дорогой камзол и массивная золотая цепь (ее, кстати, я получил от князя в ознаменование титула ярла) тут же его закрыла.

– Бегом! – рявкнул я на служанку и та умчалась.

Нет, я бы все перетерпел, все простил, но только не перловую кашу, непригодную к употреблению человеку.

Ко мне тем временем неслись хозяин и вышибала с дубинкой. Чего они, нюх потеряли? Я запустил миской в рожу хозяина, а пока тот отплевывался, перехватил вышибалу за руку, отобрал кабацкое оружие и как следует припечатал жирную харю к свежeweымытой столешнице, отчего та сразу испачкалась.

– Ты чем благородного графа кормишь, тварь? – рыкнул я.

– Виноват, господин граф, – пролепетал трактирщик, видя мою благородную ярость. – Не признали. Вот, как плащик с себя сняли, увидели, что вы господин Артакс. – Ткнув в бок приспешника, зашипел. – Проси прощения у благородного графа.

Вышибала, пытаясь прикрыть разбитый нос кулаком, размазал кровь, что-то залепетал.

– Мне не ваши извинения нужны, а еда.

– Ваше сиятельство, так не готово у нас ничего. Плилу чистили да белили, даже перловку на костре варили. Мы же принцессу ждем, сейчас привезут барашков да хрюшек, ре-

зять начнем.

– Делать больше принцессе нечего, как на вашу плиту смотреть, – фыркнул я. – Ладно, яичницу с ветчиной сготовь, и хлеб с сыром тащи. Скажешь, что не сумеешь зажарить, я костер прямо посередине комнаты разведу, а яичницу из твоих причиндалов сготовлю. А пить тащи либо квас, либо каву, если есть.

Кажется, трактирщик здорово перепугался за сохранность своих бубенчиков, хотя, на самом-то деле, я даже бараньи яйца никогда не ел, а кое-кто считает их изысканным блюдом, но пусть боится.

Эх, как меняет отношение к человеку его одежда. И всего-то стоило скинуть с себя грязный плащ. Скоро служанка поставила передо мной свежий хлеб и тарелку с сыром, а чуть позже передо мной водрузили дымящуюся сковородку яичницы с ветчиной. И, только я принялся есть, как во дворе раздался какой-то шум, конское ржание, а в общую залу вбежала юная принцесса. За ней, кланяясь до соломы, застилавшей пол, шел хозяин.

– Ваше величество, ваше сиятельство, – лепетал трактирщик, путая титулование. – Мы думали, что вы попозже придете, обед еще не готов.

Но Инга фон Севр, увидев меня, проигнорировала слова хозяина, а устремилась к своему незадачливому телохранителю.

– Граф Артакс, а вы уже здесь? – удивилась девушка. – Я

думала, что вы лежите больной, на постоялом дворе. Думала, примерещилось, что Гневко в конюшне стоит.

Как требовал этикет, я встал, изобразил поклон и поинтересовался:

– А вы, сударыня, избавившись от меня, решили развлечься?

– Так обоз этот тащится, словно беременная улитка, я и решила, что поеду побыстрее, – наморщила мордашку юная княгиня, а потом поинтересовалась. – А что вы такое едите? – Принюхавшись, догадалась сама. – Яичница с ветчиной. Я тоже хочу.

– Так и подсаживайтесь ко мне, здесь на двоих хватит, – хмыкнул я, кивая остолбеневшему трактирщику. – Тащи вилку для Ее высочества.

В моей родной Швабсонии, даже при дворе какого-нибудь захудалого барона ни у кого бы не хватило фантазии кормить яичницей девушку из знатной семьи, да еще прямо со сковородки. А тут нравы попроще и скоро принцесса Инга бойко уплетала мою порцию и это у нее так славно получалось, что я жестом приказал хозяину – мол, сделай еще. Нет, хорошо, когда девочка кушает с аппетитом, но я рисковал остаться голодным. Разделавшись со второй порцией, принцесса с довольным видом похлопала себя по брюшку, скрытому кольчугой:

– Вкусно. И почему при дворе яичницу не подают?

– Потому что она считается едой пейзан и солдат, – пояс-

нил я. – Дворянство должно питаться благородной пищей.

– Глупость какая, – скорчила удивленную физиономию Инга. – Разве может быть неблагородной пища, если она вкусная? – Я только пожал плечами, а юная принцесса, как это бывает с подростками, задала новый вопрос. – Граф, а как вы оказались здесь раньше нас? И как ваши раны?

– Раны притихли, не беспокоят, – постучал я на всякий случай по столу. – А раньше вас, так я просто дорогу срезал, проехал по болоту.

Тем временем нам принесли бокал вина для принцессы, а мне большую чашку, заполненную чем-то темным, напоминающим каву, но пахнущим как-то иначе.

– И что это? – поинтересовался я.

– Цикорий, – подобострастно отозвался хозяин. – Кавы у нас нет, но этот напиток не хуже.

Я отхлебнул. Нет, до кавы этому пойлу далеко, но пить вино, после той злополучной ночи, мне не хотелось.

– Кстати, а что за пикша болотная? Никогда о таких не слышал, – поинтересовался я, вспомнив эпитет, которым меня наградил трактирщик при встрече.

– Пикша болотная – это кабанчик, что на болоте живет, – вместо хозяина постоянного двора ответила принцесса. – Но у него вместо копыт лапки, как у утки. Охотник увидит пикшу, думает, что кабан, пойдет за ним, а эта сволочь его в самую трясику заводит, откуда выхода нет. Но если охотник умелый, да на мокроступах, он эту пикшу свободно на копье

возьмет. Правда, мясо у нее жесткое, тиной воняет, но есть можно. надо.

Вона, какие твари на болотах встречаются.

– Ступайте прочь, – царственно взмахнула ручкой принцессы, а когда трактирная прислуга, пятясь задом, удалилась, спросила: – Граф, вы за кого посоветуете мне замуж выходить – за герцога или за его сына?

Я чуть цикорием не подавился. А мы за кого ее сватали? А, мы сватали ее за герцогскую корону, а не за человека.

– А сами-то вы за кого хотите? – поинтересовался я.

– Да мне, в общем-то, все равно, – наморщила носик принцессы. – С детства знаю, что дочери князей по любви замуж не выходят, так что, какая разница? Про герцога Силинга слышала, что властитель достойный, боец умелый, только он старый. А Вильфрид, как говорят, государственным делами заниматься не хочет, оружие в руках держать не умеет, все больше просвещением пейзажей занимается. Зато наследник престола еще молодой.

Я не стал говорить девушке, что выбор станет делать не она, а Деметрий фон Силинг. Понравится властителю девица – женится сам, а нет, заставит выйти замуж за сына.

– А тут, принцессы, ничего не могу сказать. Приедете, сами решите. Герцог правитель, станете ему опорой, наследника еще одного родите, а там, глядишь, через ребенка власть приобретете. Станете женой молодого Силинга, то после смерти отца – то есть, свекра вашего, будете сами стра-

ной править, пока супруг школы да университеты открывает. А оружием владеть вы его сами и обучите, если терпения наберетесь.

Принцесса задумалась. Возможно, решила задать еще какой-нибудь вопрос, на который мне не хотелось бы отвечать. Спросит, например, как себя вел Вильфрид, когда был на той стороне гор, что отвечать? Что сын герцога, позволявший обижать себя всем, кому не лень, вел себя как тряпка? К счастью, от ненужных вопросов меня спасло появление двух воительниц, сопровождавших принцессу. Девушки начали греметь железом, снимая с себя лишние доспехи.

– Госпожа Инга, – обратилась одна из амазонок к принцессе. – В конюшне к вашей кобылке пристает какой-то нахальный жеребец, похожий на гнедого ярла Артакса. Он уже выгнал всех остальных коней во двор, а конюху врезал копытом.

– А сама кобылка не против? – подал я голос.

– Нет, кобылка не против, даже наоборот, – отозвались воительницы в один голос, а лишь потом изумились: – Ярл Артакс? Вы как здесь оказались?

– Тогда не стоит мешать, разберутся сами, – отмахнулась принцесса. – Гнедому Артакса можно к моей кобыле поприставать, хуже не будет. Глядишь, жеребенок симпатичный появится.

Чем хорошо жеребцам, так это тем, что в отличие от людей им не надо заботиться о будущих детях, платить их мате-

рям деньги на содержание потомства, а иначе я бы уже давно разорился.

Глава четвертая

Правосудие герцога

– Дорогой граф, как я рад нашей встрече, – обратился ко мне мой сюзерен герцог Деметрий фон Скилур, когда я вышел во двор, намереваясь посмотреть, как там Гневко. – Вы же идете в конюшню проведать своего боевого товарища? Не возражаете, если я пойду с вами?

– Почту за честь, – прижал я руку к груди, изображая радость.

Едва не под ручку с Его высочеством мы дошли до герцогских конюшен, убедились, что Гневко жует овес, сена у него в достатке, а напоят жеребца чуточку позже, после того, как изволит откусать.

Вообще-то я уже собирался возвращаться в имение, именуемое ныне Йорген. Думаю, Кэйт все глаза проглядела, да и мне хотелось вернуться в свой дом, выспаться в собственной спальне, а заодно расставить по местам трофеи, приобретенные по дороге – оружие и книги. Зима заканчивается, а мне еще исполнять обещание, данное брауни – заделывать оконце в подвал, чинить крышу. Нет, не самому, разумеется, но присмотр за работниками тоже труд, да еще какой.

И что это понадобилось герцогу? Вроде, юную принцессу я привез, она нынче отдыхает с дороги. Отдыхает – понятие

условное. Это у меня опять разболелась спина, пришлось отдаваться на растерзание знахарей, мявших мой позвоночник и пить разные отвары. Мяли они меня послабее, чем брауни, зато лекарство оказалось действующим. Вот уже второй день не болит ни одна косточка, а лекари говорят, что и дальше болеть не станет, если я буду принимать лекарства хотя бы раз в неделю. А юная княгиня отдыхала с дороги своеобразно – носилась со своими девами-воительницами по полям и лесам Силингии, осваиваясь на новой родине. Так молодежь, что с нее взять? Сам такой был.

– Ваше высочество, я весь во внимании, – улыбнулся я. – Не поверю, что вы решили составить мне компанию в конюшне.

Герцог знал, что у меня нелады со спиной, поэтому не слишком обиделся, что вместо полновесного поклона я отвесил лишь символический. Удобно, кстати.

Судя по всему, повелитель меня караулил или гулял, в ожидании моего появления. То, что в это время я отправлялся провести гnedого, во дворце известно. Стало быть, хочет от своего вассала чего-то великого и несбыточного, а иначе просто отправил бы за своим подданным слугу, с приказанием явиться пред светлые августейшие очи.

– Для начала, я хотел бы выбрать вас, – хмыкнул властитель Силингии. – Я изобразил полное неведение, а герцог продолжил. – Юная принцесса требует на завтрак исключительно яичницу. Говорит, что к этой пище ее приучил граф

Артакс, и ей она очень нравится. Теперь я опасаясь, что девочка начнет кукарекать. Куда годится кукарекающая герцогиня?

– Главное, государь, чтобы она не начала нести яйца, – заметил я, сохраняя серьезный вид. – Кукареканье еще можно как-то объяснить – например, воспоминаниями детства, привычкой издавать боевые кличи, а регулярное появление яиц на троне придворные не оценят.

Мы с герцогом заулыбались, понимая, что пристрастие юной княгини к яичнице не столь серьезная беда. Еще несколько дней, девушку начнет мутить от вида жареных яиц и она начнет есть нормальную пищу, положенную юным аристократам.

– Как я и думал, граф Артакс обязательно выкрутится, – хмыкнул герцог. – Но если серьезно, то у меня к вам иное дело. Как я полагаю, вы собираетесь домой? Когда рассчитываете уехать? – поинтересовался герцог.

– Сегодня выезжать уже нет смысла, а завтра с утра и выеду.

– Принц, а вы не могли бы задержаться на пару дней? – поинтересовался Силинг.

Ох, если обращается с неуместным титулом, не к добру. Герцогу точно от меня понадобилось нечто важное.

– К вашим услугам, государь, – склонил я голову, потом поинтересовался с должной иронией. – А пары дней на задержку хватит?

– Пока не знаю, все будет зависеть от посыльного и новостей, – не стал кривить душой герцог. – Я его жду завтра-послезавтра, а пока хотел бы пригласить вас на маленькое представление. Посидите часок-другой, а за это я угощу вас кавой.

Вот с кавы-то Его высочеству и следовало начинать. Мол – пойдем, дорогой Артакс, обсудим наши дела за чашечкой ароматного напитка, так все и решим.

Я ожидал, что герцог и на самом деле поведет меня на какое-нибудь представление, хотя бы на кукольное, но он повел меня во дворец, прошел с десятков шагов по длинному коридору и потянул на себя дверь, за которой, как я уже знал, вершится суд и расправа над местными жителями. Вернее, Его высочество разбирает там запутанные дела, с которыми не смогли справиться судьи поплоче. Мне стало любопытно, а что за жалобы разрешает Его высочество? Понятно, что он не станет судить разбойников да убийц, с этими в герцогстве поступают просто – казнят лиходеев там, где поймали, не заморачиваясь тратами на прокорм, с ворами, мошенниками и мздоимцами государь тоже не станет разбираться, для этого есть городской суд, где наказанием за содеянное является либо оправдание, коли вина не подтвердится, либо отправка на работу в рудник, к гномам. Гномы, прежде чем заполнить дармового работника, проводили еще и свое расследование, используя какую-то магию. Коли им пытались «всучить» невиновного, возвращали подозреваемого

обратно, уведомив о том герцога. Вот в этом случае на рудник отправлялись судьи. Посему, городские суды всегда старательно изучали дела, искали веские доказательства. Гномы же заботились о заключенных, хорошо кормили, но спуску не давали и работать арестантам приходилось как миленьким. А еще исправно отправляли жалованье, положенное казначейнику, на покрытие ущерба.

В судебном зале стояли стол, за которым сидел нахохленный канцелярист, немедленно вскочивший на ноги, высокий стул с подлокотниками и спинкой, напоминающий трон и еще один стул, на который мне указал герцог.

Усевшись, Его высочество приказал:

– Заводите первого жалобщика.

Первым жалобщиком оказался мужчина лет сорока-сорока пяти, одетый в богатое платье, самого купеческого вида, пришедший на суд вместе с женой – на вид, совсем еще девочкой. Супруга была одета чисто, но скромно, напоминая бедную родственницу из провинции, либо приживалку, а не жену богача.

– Господин Кальтер, меховщик, желает расторгнуть брак со своей супругой, – монотонно забубнил секретарь, зачитывая лежащий перед ним документ, – фрау Лиис Кальтер, в девичестве Зунд, а также требует, чтобы она Лиис вернула ему два талера, что господин Кальтер потратил на свадебные расходы, а также присудить с оной еще два талера за моральный вред, причиненный ему...

Он собирался читать и дальше, но герцог пресек его намерения, кивнув меховщику:

– Пусть господин Кальтер сам расскажет, отчего он хочет развода. Живые слова гораздо лучше передают содержание, нежели сухой текст.

Меховщик, поклонившись герцогу в пояс, принялся излагать:

– Ваше высочество, я желаю развода, потому что моя супруга развратная женщина. Она скрыла, что у нее есть ребенок, рожденный до брака. Не следует начинать семейную жизнь с обмана.

Мы с герцогом дружно посмотрели на юную женушку. Ишь ты, такая юная, а уже с ребенком?

– Как я полагаю, вы уже обращались к патеру, но он предложил вам простить жену? – поинтересовался герцог.

– Да, предложил, – нервно сказал Кальтер. – Патер сказал, что все люди совершают ошибки, и нужно помочь им исправиться. Но почему я должен терпеть обман, да еще и кормить ублюдка, рожденного неизвестно от кого?

– Если бы ваша жена до свадьбы сообщила, что у нее есть ребенок, вы бы женились на ней?

– Конечно нет, – фыркнул меховщик. – У меня два законных сына от первого брака, зачем мне содержать чужого ребенка? Я вдовец, мне нужен покой, а не вопли.

– А почему вы женились на Лиис?

– Я знал ее с детства, потому что ее покойный отец много

лет служил у меня приказчиком. Девушка казалась мне аккуратной, из нее должна получиться хорошая хозяйка, способная скрасить мою старость. Я считал, что Лиис чиста, а она оказалась шлюхой. Подумать только, она три года скрывала, что у нее есть ребенок!

Юная женушка стояла, закусив губу, но в глазах не было ни слезинки. Не похоже, что она раскаивалась в содеянном.

– Фрау Лиит, – мягко обратился герцог к девушке. – Все, что говорит ваш супруг – это правда? У вас есть сын? Когда же вы успели?

– Да, Ваше высочество, истинная правда, – глухо отозвалась девушка. – Я родила сыночка в пятнадцать лет.

– А кто отец?

– Отец – простой латник, из горожан. Он обещал жениться на мне...

В глазах девушки проступили-таки слезы, а герцог, почти по-отечески, спросил:

– А когда он узнал о вашей беременности, то отказался?

– Нет, Ваше высочество, он не отказывался. Он даже не успел ничего узнать, потому что погиб на войне с Ботенном. Я приходила к его родителям, но они отказались признать ребенка. Мол, Жак никогда не говорил, что у него есть подруга, так что, с какой стати они станут делиться пенсией, если у них еще двое младших детей? Покойный отец отправил меня рожать на ферму, к сестре и приказал никому ни о чем не говорить. Я очень скучаю по сыну и хотела сама его

воспитывать, но после смерти отца мне остался лишь дом. Я думала, что господин Кальтер все поймет и простит, позволит взять ребеночка в наш дом или хотя бы позволит его навещать. А теперь, если мне придется заплатить расходы на свадьбу, у меня не останется ничего.

– Вот видите, Ваше высочество, эта шлюха считала меня дойной коровой... – заорал меховщик, брызгая слюной во все стороны, но наткнувшись на взгляд герцога, притих.

– Ваше высочество, вы позволите задать вопрос? – подал я голос, а дождавшись кивка правителя, спросил. – Какова сумма пенсии за погибшего воина?

– Пенсия равна жалованью, но все зависит от того, кем был воин. Если простой латник, то она составит пятьдесят пфеннигов, десятник – семьдесят, – любезно пояснил герцог, а я мысленно хмыкнул – в Швабсонии ни одному правителю не пришла бы в голову мысль платить семье погибшего солдата пенсию. Как помнил, у моего отца пенсии полагались лишь престарелым слугам, да и то далеко не всем. А на пятьдесят пфеннигов в месяц в Силингии семья из пяти-шести человек сможет прожить если не припеваючи, то безбедно, да еще и отложить пфенниг-другой на черный день.

– А вот за гибель королевского жандарма сумма гораздо выше – один талер, – дополнил Его высочество свою речь, искоса посмотрев на меня.

Пропустив мимо ушей намек (это же герцог напомнил мне о гибели его жандармов в Черном лесу), спросил:

– Ваше высочество, если вы примете решение о разводе, вы же не станете возражать, если я назначу девочке пенсию из своих средств?

– Разумеется, нет, – усмехнулся герцог.

– В таком случае, с дозволения Вашего высочества, – склонился я в легком поклоне в сторону сюзерена, хотя уже принял решение, что в случае чего обойдусь и его без разрешений, – я дам своему ростовщику распоряжение, чтобы он ежемесячно переводил госпоже Лиис... не запомнил ее девичью фамилию, но секретарь мне потом запишет, некую сумму, сумму... – призадумался я, а потом решил не мелочиться, – пусть будет один талер в месяц, пока ребенку не исполнится шестнадцать лет. Еще я переведу ффрау Лиис десять талеров единовременно, чтобы она смогла рассчитаться со своим мужем-пауком, имела приданное и вышла замуж за достойного человека.

– Хорошо, господин граф, доброму поступку не может быть возражений, – кивнул герцог, а потом, добавив в голос немного металла, изрек: – Итак, мой вердикт. Признать иск господина Кальтера к супруге справедливым, посему их брак считать расторгнутым. Касательно иска Кальтера к бывшей супруге, то он будет ффру Лиит уплачен в размере двух талеров, но не более.

– Подождите, Ваше высочество, – встрепенулся вдруг меховщик, – но если господин граф, не знаю его имени, назначит пенсию на воспитание ублюдка, то есть ребенка и даст

моей супруге приданное, зачем же мне разводиться?

– А потому, что господин граф не назначит пенсию и ничего не даст законной супруге меховщика Кальтера, – усмехнулся я.

– Вы можете попытаться еще раз попросить руку и сердце вашей бывшей супруги, – добавил герцог.

Меховщик пытался еще что-то сказать, но в зале появились два стражника и они быстренько, но без особой грубости, выдворили теперь уже бывшего мужа из зала. Оставшейся стоять как вкопанной разведенной женщине я сказал:

– Фру Лиис, вам придется немного подождать с получением денег. Я сегодня отправлю письмо своему ростовщику, но деньги он сможет перечислить не раньше, чем через неделю.

– Ваш ростовщик, господин Мантиз, не так ли? – спросил герцог. – В Силинге есть представительство его конторы, поэтому вам проще зайти туда самому или отправить письмо. Личар, – кивнул правитель секретарю, – напишите письмо на имя Мантиза, а граф Артакс его подпишет. А чтобы не было никаких сомнений, я заверю документ своей подписью.

Девушку тоже пришлось выводить, потому что она зашла от слез, пыталась целовать руки герцога и мои, обещала молиться за нас и чуть не забыла самое главное – письмо в представительство ростовщика. Кстати, мне бы все-таки не помешало и самому туда зайти, взять немного денег

для возвращения домой. А герцог так и не вернул мне долг – тот самый талер, на который он нанимал меня для поездки в княжество Севр. Но напоминать о таком пустяке неудобно.

Пока секретарь раскладывал бумаги в ожидании очередного жалобщика, герцог сказал:

– Знаете граф, я хотел предложить вам должность главного судьи в Урштадте и его округа, теперь не стану.

– А что не так? – удивился я. Не то, чтобы я рвался занять какую-то должность – я вообще никогда не рвался в начальственные персоны, но фраза Его высочества меня все-таки задела.

– Вы думаете, что облагодетельствовали эту девицу? – с иронией поинтересовался герцог и сам же ответил. – На самом-то деле вы только что произвели на свет тунеядку.

– А как бы вы поступили, если бы меня рядом не было? – полюбопытствовал я, сознавая, что с государственной точки зрения Его высочество абсолютно прав. Вряд ли женщина, на которую нежданно-негаданно свалилось богатство, станет жить честным трудом.

– С супругом, безусловно, я бы ее развел, – раздумчиво сказал герцог. – Оставить юную фрау женой меховщика означало бы превратить в ад и ее жизнь, и жизнь ребенка. Кто знает, чем бы все могло закончиться? Разумеется, никаких компенсаций этому надутому индюку я бы не назначил. Коль скоро он обращался к патеру, а тот посоветовал простить супругу, значит Кальтер уже успел приступить к испол-

нению супружеского долга, попользовался ее юным телом, а за все на свете нужно платить.

– Но вы бы милостиво пристроили несостоявшуюся меховщицу в прачки или в посудомойки во дворец, чтобы она жила в честной бедности, – завершил я мысль герцога.

– Разумеется, – сухо ответил герцог. – Мы же не можем на основании только слов девицы признать, что ребенок действительно от погибшего латника, верно? Тем более, что пенсия за него уже выплачивается. Если я стану брать на веру слова всех беременных барышень, моя казна закончится быстрее, нежели ваш кошелек.

– Ваше высочество, как хорошо, что я не государственный муж, а уж тем более, не судья, – всплеснул я руками. – Иначе мне пришлось бы думать о последствиях, оценивать, как мое решение отразится на государственных интересах, заботиться о воспитании ваших подданных, зато как частное лицо я могу делать любые глупости.

Его высочество покачал головой. Вздыхнув, посмотрел на секретаря, ловившего взгляд государя и уже готового метнуться к дверям за новым истцом, сказал:

– Передайте просителям, чтобы они меня сегодня не ждали. У меня возникли важные государственные дела. – Встав со своего стула-трона, герцог кивнул на выход: – Пойдемте граф.

Надеюсь, не для исполнения великих дел? Лучше все-таки – кава.

Глава пятая

Правосудие герцога (продолжение)

Только мы с герцогом встали со своих мест, как молчаливый секретарь не просто вскочил из-за, а взлетел, словно перепуганный петух на насест и завопил:

– Ваше высочество, ради всего святого, умоляю, примите это семейство...

– Личар, я вам неясно сказал?

В голосе Его высочества было столько холодного металла, что любой нормальный человек осознал бы, что противоречить властителю – это сразу же отправиться либо в ссылку, либо на плаху. В крайнем случае – в тюремные казематы. Но что-то разладилось в голове у секретаря, если он, упав на колени, снова осмелился повторить:

– Ваше высочество, я вас умоляю. Вы же знаете, что я никогда ни о чем не просил ни для себя, ни для кого-либо, но эта семейка пытается попасть на ваш суд уже в третий раз. Они живут неподалеку от нас, почти соседи. Моя бедная матушка опасается ходить на рынок за покупками, потому что мамаша Нитуш бегают за ней по пятам, в голос рыдает и просит, чтобы ее сыночек, то есть я, помог ей с этим делом, грозится подать на матушку жалобу в городской совет за плохое воспитание сына. А я в последние дни боюсь возвращаться

домой – она меня подстерегает возле двери и начинает плакать и напоминать, каким я хорошим мальчиком был в детстве и какой неблагодарной тварью оказался теперь.

– Может, следует посадить мамашу Нитуш в колодки, как сварливую бабу? Пусть посидит в ней пару часов, осознает, что не стоит гоняться за матушкой герцогского секретаря и пугать самого секретаря, потом и поумнеет? – предложил я, а герцог одобрительно кивнул.

– Да что вы, господин граф, разве так можно? – испугался секретарь. – Мамаша Нитуш, ко всему прочему, доводится мне крестной. Куда годится, чтобы крестная герцогского секретаря сидела в колодках, словно сварливая женщина? Все-таки, в детстве она приносила мне радости, и даже несколько раз дарила пфенниги на день ангела.

Я не стал говорить, что бывали случаи, когда в позорных колодках стаивали и благородные люди, по сравнению с которыми и сам секретарь мелкая сошка.

– Эх, ну что же мне с вами делать, Личар? Вы действительно никогда не злоупотребляли своим положением, ничего не просили, хотя могли бы, – вздохнул герцог, сменив гнев на милость. Переведя взор на меня, Его высочество спросил: – Граф, уважим желание нашего юного канцеляриста?

Я только пожал плечами. На месте герцога я тоже уважил бы просьбу юноши, но потом поменял бы секретаря на более непробиваемого человека. Куда годится слуга, манипулирующий хозяином? С другой стороны, не так и много

в герцогстве грамотных людей. Вон, и мне он сделал доброе дело, составив письмо для банковской конторы. Но если секретаришка так боится какой-то вздорной бабы, то что случится, если за него возьмутся более серьезные враги? Впрочем, а скажите-ка откровенно, а кто же не боится сварливых женщин? По мне так лучше встретиться с тремя разбойниками в лесу, чем зацепиться языком с какой-нибудь вздорной сучкой. С разбойниками все просто – убил, и весь сказ, а что делать с языкастыми бабищами?

– Личар, напомните мне, в чем суть дела? – спросил правитель.

– Увы, подробности мне неизвестны. Мамаша Нитуш жалуетя на своего зятя, но суть жалобы готова изложить только при личной встрече с Его высочеством. Она обращалась в жалобой в городскую ратушу, но там ее и слушать не стали, потому что не захотела излагать просьбу перед всеми членами, ходила к патеру и, тоже безрезультатно, а теперь у нее осталась только одна надежда – на вас, да на вашу справедливость.

– М-да? Любопытно, – зевнул во весь рот герцог. – Н-ну, заводите, то есть, приглашайте вашу сварливую крестную.

В судебный зал вошло целое семейство – невысокая кругленькая тетка средних лет, длинный сухопарый мужчина – вероятно, супруг, а еще молодая пара – она, рослая деваха, что называется «кровь с молоком», а он – тщедушный, с едва наклевывавшимися усиками, напоминавший скорее под-

ростка, а не мужа.

– Итак, дорогие мои, чем я могу быть полезен? – ласково спросил герцог, когда вошедшие закончили с обязательными поклонами и приветствиями.

Окинув взглядом присутствующих, тетка сразу же заявила:

– Наша беда лишь для ушей господина герцога. Я хочу, чтобы посторонние вышли.

– Милочка, хотите вы станете дома, а здесь я решаю – кто посторонний, а кто нет. Излагайте, а иначе я сейчас просто позову стражу и прикажу всыпать вам пять плетей за трату моего времени, – лениво сказал герцог. – И мне плевать, что вы не крепостная, а горожанка и жена бюргера, а уж моим латникам тем более.

При всей своей наглости тетка не рискнула проверять, имеет ли правитель право ее выпороть, нет ли, поэтому приступила к делу:

– Жалоба у меня на моего зятя... – Дальше мамаша Ни-туш вытолкала вперед дочку. – Рассказывай деточка, что не так.

Статная девица, слегка зардевшись, замялась:

– Дело все в том... в том все дело... а дело-то вот в чем...

– Да уж говори все как есть дура! – толкнула мамаша дочку в спину, а потом, не выдержав, выпалила сама: – Все дело в том, государь, что дочка моя до сих пор целая, хотя они с Курцем уже полгода, как женаты. Вот.

– Стало быть, молодой супруг не хочет исполнять свои обязанности? – перевел герцог взгляд на дочь. – А вы, милашка, не пытались как-то вдохновить вашего супруга? – Его высочество властным жестом остановил пытающуюся отвечать за дочку мамашу и опять посмотрел на молодую женщину. – Ну же, дитя мое, скажите, мне можно знать.

– Да как не пыталась, – горестно вздохнула девица. – Я уж и так, и этак, и поцелую его, и поглажу, и ... это самое, а он только ночную рубаху между ног зажимает, морду отворачивает, да пукает, словно от страха.

– Да я в его годы ... – попытался что-то сказать супруг, но получив от дражайшей половинки локтем в ребро, притих.

– Так-так, – побарабанил герцог костяшками пальцев по подлокотнику и спросил: – Сколько лет юной супруге?

– Недавно двадцать исполнилось, – сообщила девушка.

– А сколько лет молодому мужу?

– Шестнадцать, – влезла мамаша Нитуш.

– Молчать! – рявкнул герцог так грозно, что даже у меня заложило уши, а жалобщики присели от страха. Ладно, что лужу не сделали: – Курц, сколько тебе лет?

– Четырнадцать, – пролепетал парень.

– Значит, супругу четырнадцать, а жене двадцать, – раздумчиво проговорил герцог, снова побарабанив по подлокотнику. – Конечно, законом не возбраняется, если жениху четырнадцать лет, но вы, дорогие мои, каким местом дума-

ли, когда решили выдать замуж взрослую девушку за мальчишку?

– Так мы, это, головой думали, а чем же еще? – с обидой отозвалась мамаша Нитуш, а следом вступил в разговор и папаша:

– Мы с родителями Курца перетолковали, все и сладили. Мы ж бондари – и я, и Дюрекс, отец евонный, то есть, Курцев, – пояснил тесть юного супруга, – порешили наши мастерские объединить, чтобы, значит, дело расширить. Поособицу-то мастерские маленькие, но ежели, две в одну слить, так получается, что и большая. Вдвоем-то мы и работников больше найдем, и бочек побольше сделаем, а на бочки нынче спрос вырос, особенно на маленькие, в которых гномы масло перевозят. Ну, а детишек решили поженить, чтобы договор закрепить. Курц, даром что лет немного, сызмальства отцу помогал, а год назад уже и экзамен сдал на право именоваться мастером. Такой бочоночек сделал, что для ваших погребов впору! Девке моей все равно замуж идти, но жениха подходящего нет. Если по возрасту подходит, так либо не из наших, не из бондарей, а если из наших, то только подмастерье, без своего хозяйства, с таким ей век мыкаться, пока он в мастера не выбьется, а даже и выбьется, то на чужого дядю работать станет. А четырнадцать лет для парня – самый возраст. Не изгуляется, коли своя жена под боком. Я вон, в четырнадцать лет...

Бондарь снова получил локтем от супруги, а герцог изрек:

– Понимаю, что вы руководствовались благими намерениями и у меня нет оснований расторгнуть брак. Но поймите и вы, что невозможно заставить молодого супруга исполнять те обязанности, к которым он еще не готов. Даже я, собственной властью не смогу противоречить воле Единого и природе. Здесь вам даже маги помочь не смогут. Бывает, что и в четырнадцать лет юноша вполне созрел и внешне, и внутренне, но чаще всего он готов стать супругом позже.

– Так и что, сколько мне ждать? – выпятила губу молодая жена. – Мне от подружек, которые замуж вышли неловко. Начнут рассказывать, а мне и неловко, ничего и не знаю. Да и самой...

Герцог развел руками:

– Вы, девушка, замуж шли добровольно, а ведь могли и отказать. Вы же видели своего жениха до свадьбы? И что же вас подтолкнуло выйти замуж за ребенка? Вас патер спрашивал в храме – добровольно идете, или по принуждению? Спрашивал. Так что, терпите, ждите, пока ваш молодой супруг не созреет. А подругам... А кто сказал, что с подругами следует обсуждать все тонкости вашей жизни? И вот еще что... Если вы, в силу собственных желаний, захотите совершить глупость, то трижды подумайте. Надеюсь, вы меня поняли?

Когда семейство, смущенное и, донельзя озадаченное, покинуло помещение, Его высочество обратился ко мне:

– Видите, господин граф, какими делами приходится за-

ниматься?

– Вижу, – кивнул я. – Приходится не только устранять несправедливость, но и взывать к голосу разума. А это, пожалуй, никакому судье не под силу. Вот мне подобное точно не под силу, потому что я посоветовал бы этой девице не терять времени в ожидании взросления мужа.

– Ну, это вы сейчас так говорите. Окажись вы на моем месте, вы призвали бы подданных внимать не только зову плоти, но и голосу разума. Граф, я сегодня провинился перед вами. Обещал напоить кавой, а вместо этого заставил слушать разную глупость.

– Нет, все было познавательным и любопытно. Теперь я знаю, что высший судья герцогства занимается самыми трудными делами.

– Давайте выйдем на свежий воздух? – предложил герцог. – У меня сегодня весь день какие-то совещания, суды, уже и голова начала болеть.

Мы вышли из зала заседаний через дверь для просителей.

– Ох ты, а уже вечер, не заметил, как день прошел, – загрустил герцог, глядя на сгущающиеся сумерки.

Вместе с герцогом мы пошли вдоль дворца, по дорожке, а сзади, без особого приказа пристроился латник с алебардой. Его высочество косо глянул на своего стража, но говорить ничего не стал. На мой взгляд, это правильно. Я до сих пор изумлялся, что правитель государства живет в помещении, не обнесенном стенами, без караульных башен и подь-

емных мостов, да и охраны маловато.

– Люблю здесь гулять, – пояснил герцог. – Окон нет, никто из придворных не пялится. Раньше здесь аллея была, но вырубili, после того, как деда едва не убили – убийцы за деревьями прятались. Жаль.

Мы шли молча, любуясь вечерним небом, звездочками, засверкавшими на нашем пути. Ишь, падают. Стоп. Какие звезды и почему они рядом друг с другом, да еще и увеличиваются в размерах с огромной скоростью?

Повинуясь невесть какому инстинкту, я задвинул герцога за спину, а потом рывкнул стражнику:

– Алебарду мне, живо!

Капитан дворцовой стражи потом вздует парня, но латник с перепуга отдал оружие, а я, перехватив древко половчее, стал ждать приближения несущейся на нас твари. Вот, уже можно рассмотреть, что это никакие не звезды, а два огромных желтых глаза с черными зрачками, а между ними клюв, напоминавший кинжал. Орфоэп твою в душу талер и два пьяных тоффеля с присвистом, это ж дракон!

Хотя нет, у драконов не бывает таких черных крыльев, но тоже не легче. Эх ты, тварь крылатая.

Размеры крыльев оценивать не стал, не до того, а рубанул алебардой по левому глазу чудовища, метясь в зрачок. Ух ты, тварюшка дернулась в последний момент, поэтому удар смазался и пришелся не в глаз, а в основание твердого, словно каменного клюва, даже лезвие жалобно звякнуло и отско-

чило, но твари это все равно не понравилась. Она заорала, но как-то тоненько, не в соответствии с габаритами, крылатую гадину слегка развернуло. Но бестия сумела удержаться в воздухе, отскочила, выгибая огромные крылья в противоположную сторону, как не смогла бы сделать простая птица, набрала высоту и атаковала нас вновь. Но теперь я рубанул справа налево, метясь в крыло. Есть!

Все-таки, как хорошо, что даже крупный летающий объект в результате воздействия извне меняет траекторию полета. Вот и сейчас, летучая тварь, получив удар, пусть и не отрубивший, но повредивший ее крыло, перевернулась и рухнула вниз, на камни, огласив падение тонким подвизгиваньем.

Надо отдать должное герцогу и подскочившему латнику. Молодцы, не растерялись, а дружененько, в два меча добились заразу, а я стоял в позе усталого героя, только что завалившего дракона. Не то, чтобы огромного, но опасного.

Конечно же, как только опасность миновала, набежали стражники, пытавшиеся взять Его величество в плотное кольцо и ошетиниться клинками, готовые сразиться с любым врагом.

– Граф, вы спасли мне жизнь, благодарю, – с чувством сказал герцог, пожимая мне руку, а потом вопросительно хмыкнул, кивая на поверженную птицу: – Или эта пташка прилетела за вами?

В мертвом виде бестия выглядела поменьше, чем

при жизни – не больше барана, а ведь пока летела, казалась размером с быка, а то и крупнее. Ну да, и перья встопорщены, и крылья раскрыты. Теперь, со смятыми перышками, со сломанными крыльями, так вроде и ничего. Птица как птица, только большая, похожая на откормленную ворону.

Вернув алебарду латнику, я задумчиво почесал запотевший затылок. Хотелось бы верить, что «птичка» прилетали к герцогу, а не ко мне. Но кто знает? На всякий случай поделился соображениями:

– Меня проще завалить по дороге. А здесь дворец герцога, так что, гостя летела к вам. И время-то угадали, и место. Тут и охраны нет, а стена глухая, без окон. И Его высочество в этом месте по вечерам гулять любит. Так что, государь, это была ваша птица. А вообще, что это за тварюга такая? Я в природе таких ни разу не встречал.

– Я тоже, только слышал, что из простой и приличной птицы можно вырастить монстра, – вздохнул герцог. Повернувшись к стражникам, приказал. – Заберите бестию, занесите внутрь и отправьте кого-нибудь за бароном Скилуром, пусть глянет. Волшебство – это по части дядюшки. Сумеет понять – что за тварь, а нет, пусть прикажет из нее чучело сделать, поставим в парадном зале. Гости, особенно после пира, в восторг придут. Граф, вы не станете претендовать на добычу?

– Это всецело ваш трофей, Ваше величество, – усмехнул-

ся я. – Пожалуй, после пира кое-кто из гостей, может и пить бросить, или решит, что пришла белая горячка. По мне, так ее только на огород поставить, ворон пугать.

– Жалко ворон, – всерьез сказал герцог. – Хорошая птица, умная.

Полностью согласен с Его высочеством. Сам ворон уважаю, хотя и стараюсь не вспоминать о том, что творят эти умные птицы после сражения с трупами или с телами тяжело-раненых? Но птицы они всего лишь птицы, а не те, кто и устраивает эти поля.

– Право слово, мой дорогой граф, вы сегодня опять в ударе, опять совершаете добрые дела, – положил мне на плечо руку мой сюзерен. – За один день облагодетельствовали бедную сиротку, а заодно совершили подвиг.

Это что, фон Силинг иронизирует или всерьез?

– Согласен, Ваше величество, день выдался славный, – ответил я, пытаюсь попасть в тон герцога. – Но, чтобы он не пропал зря, хотелось бы выпить-таки кавы. Вы, кстати, обещали.

– А не поздно? – забеспокоился фон Силинг. – Лекарь сказал, что на кава плохо действует на сон, навевает дурные сновидения, поэтому ее лучше пить утром.

Ишь, решил выкрутиться, как бы не так.

– Для кавы, как и для вина, не бывает ни позднего, ни раннего времени, оно всегда вовремя.

Глава шестая

Поединок

Гонец, которого герцог ожидал со дня на день, опять задерживался и впору было искать самого гонца, но мы решили, что нужно подождать еще день-другой. В дороге случается всякое, а почтовой службы, подобной в Швабсонии, в нашем герцогстве нет. Ну, а пока можно любоваться ясным небом и замечательными пейзажами вокруг города Силинга.

День сегодня выдался ясным и солнечным, морозец совсем небольшой, но земля мерзлая, крепкая. По такой погоде нам бы с Гневко смотаться куда-нибудь, проскакать туда-сюда милую другую и мне отвести душу, да и гнедому не мешает размяться, а иначе заскучает без дела, да и вредно для лошадиного организма долго стоять в стойле.

Увы, поездку придется отложить либо на поздний вечер, либо на завтра, потому что сегодня состоятся схватка принцессы и принца. Разумеется, не настоящая, но схватка, она и есть схватка, потому что показывает, кто сильнее, а кто слабее. Герцог первоначально был настроен категорически против каких-то поединков, но юная княгиня показала характер, заявив, что она вправе проверить воинское умение своего потенциального жениха, мол – в княжестве Севр так принято. А так как женихов у нее два, то начнет она с того,

кто моложе. В качестве утешения Инга сообщила, что победа невесты вовсе не означает, что свадьба не состоится, но будущая супруга обязана выяснить, хорошо ли будущий муж держит в руках меч, чтобы твердо знать – можно ли отходить от дел и всецело посвятить себя дому, или придется еще какое-то время оставаться в роли воительницы?

Мы с Габриэлем, хотя и старались изучать быт и нравы Севра, но не так досконально, чтобы твердо ответить Его высочеству – правда ли это, или всего лишь выдумка принцессы. Мне почему-то казалось, что такого быть не должно, подруги об этом ничего не рассказывали, но с другой стороны, тоффель их знает, этих севрцев, которые много лет живут в состоянии войны?

Принцесса Инга стояла напротив наследника Силингии, буравила его пронзительным взглядом, постукивая мечом по щиту. Могло быть и погрознее, если бы девушке разрешили взять настоящее оружие. Она долго сопротивляясь, не желая выходить на поединок с деревянным мечом, фыркала и уверяла, что он годится только для детишек в возрасте от трех до семи лет, а взрослые люди должны тренироваться с настоящим оружием, а если в пылу схватки кому-нибудь из соперников отхватят ухо или отрубят палец, то пострадавший сам виноват – не смог уберечь себя во время тренировки. При этом, барышня демонстрировала собственное ухо с без мочки и мизинец, опоясанный шрамом. С ее слов, пальчик она потеряла именно так, по собственной дурости,

но слава Единому, лекарь сумел приставить обратно.

Инга, как многие девушки ее возраста, предъявляла к окружающим завышенные требования, упрячилась, словно ослик, не слушая увещаний ни собственных советников, ни даже самого герцога, поэтому уговаривать княгиню пришлось мне. С трудом, но удалось убедить девчонку, что калечить потенциального жениха не стоит, не время еще, а лучше дождаться, когда он станет законным супругом, к тому же, в учебных лагерях *на той стороне гор* все тренируются именно на деревянных мечях, а воины получают неплохие, чему сам свидетель.

Авторитет победителя ундины подействовал. Инга вздохнула, сказав, что так и быть, для первого знакомства готова вернуться в детство, но впредь она станет проводить поединки только на боевых клинках и, было бы неплохо, если бы сам граф Артакс стал ее напарником. Разумеется, я пообещал когда-нибудь провести с принцессой показательный бой, но пока еще страдаю от старых ран и не готов стать достойным соперником для юного мастера. Нет уж, меньше всего хотелось бы проводить учебную схватку со взбалмошной девчонкой, от которой не знаешь, чего она может выкинуть, а главное – я и сам не знаю, что выкину в ответ... Зато у меня теперь найдется убедительный повод для отказа – мол, старые раны, они такие.

Высокая и стройная Инга на фоне рослого и крепкого наследника престола Силингии (отъелся, а в нашу прошлую

встречу Вильфрид выглядел недокормышем!) словно тростинка на фоне молодого дубка. Но я бы не торопился ставить на юного герцога, потому что помнил, с какой легкостью принцесса носила доспехи, не расставаясь с ними целыми днями. А принц... Хм. Боевая стойка никуда не годится – ноги рядом, а лучше выставить левую чуть вперед и задницу оттопырил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.